

*В изменчивом мире
я снова с приходом весны
любуюсь цветами...
Чего же ещё желать?
Воистину, жизнь хороша!*
Мотоори Норинага
(Пер. А. Долина)

Елена Эдмундовна
Войтишек – кандидат
исторических наук,
научный сотрудник
Института археологии
и этнографии Сибирского
отделения РАН,
заведующая кафедрой
востоковедения
Новосибирского
государственного
университета.

// 78 //

Елена Войтишек

Ханафуда – карты четырёх сезонов

Очарование ускользящего мира

В основе так называемых «изящных развлечений», известных в Японии с глубокой древности, – поэтических турниров, состязаний в знании и мудрости, турниров хризантем и многих других – лежит важнейшее понятие японской эстетики – критерий *моно-но аварэ*, что означает «очарование вещей». Этот принцип фиксировал внимание на «грустном очаровании хрупкого, ускользящего мира» и на «буддийском ощущении эфемерности бытия», предполагал выявление прекрасного в самой реальности, требовал от человека способности ощущать и ценить естественную красоту вещей.

Японские интеллектуальные карточные игры, как это ни странно на первый взгляд, основаны на тех же принципах «очарования вещей» и поиска прекрасного в окружающем мире. Рассматривая интеллектуальные развлечения и, в частности, карточные игры в контексте всей духовной культуры Японии, возможно осознать их значение как своеобразного этикета и ритуала. Это прежде всего касается игр в поэтические карты *ута-карута* и карты с пословицами – *ироха-карута* (см. об этом статью автора в «Восточной коллекции» № 4/03), хорошо известные уже в эпоху Эдо (нач. XVII в.).

Цветочные карты *ханафуда* (*хана* – «цветок», *фуда* – «табличка, карточка, бирка, билет, карта»), изобретённые в первой половине XIX в., также до сих пор пользуются заслуженной любовью японцев. Ничего не известно о создателе цветочных карт, да и вряд ли это был один человек. Несомненно, что эти карты являются утончённым художественно-поэтическим творением народа.

Отражая особое поэтическое отношение японцев к луне, цветам, растениям и животным, *ханафуда* представляют собой колоду из 48 карт с изображением цветов и растений, соответствующих четырём сезонам двенадцати месяцев года: сосны, сливы, сакуры, глицинии, ириса, пиона, леспедецы, мисканта, хризантемы, клёна, ивы, павлонии.

Не вызывает никаких сомнений, что цветы и деревья, использующиеся в цветочных картах *ханафуда*, выбраны на эту роль далеко не случайно: на протяжении мно-

Работа написана при поддержке исследовательского гранта РФФИ 03-06-80220 по теме «Историко-этнографические аспекты теории интеллектуальных игр Японии».

Аранжировка весенних цветов.

Аранжировка летних цветов.

гих столетий все они в традиционной культуре Японии значили неизмеримо много и продолжают играть огромную роль в современной духовной культуре Страны восходящего солнца. Это в равной мере касается повседневной жизни и традиционных народных праздников, синтоистско-буддийской культовой обрядности, литературы и искусства – словом, всех тех сфер, в которых отражаются представления японцев о чувственном восприятии четырёх сезонов года во всём их многообразии.

В этих картах помимо изображений природных явлений можно найти намёки на исторические предания и легенды, в них отражается вся прелесть утонченного восприятия жизни и понимание ее естественного течения, чувствуются подлинная любовь японцев к природе, глубокие переживания человека, ощущающего себя частью единого и великого целого.

Чаще всего значение того или иного растения в культурной жизни было предопределено тем поистине колоссальным комплексом духовных традиций, который унаследовала Япония от своего великого соседа Китая, что обусловлено историей многовековых контактов этих народов и той ролью, которую на протяжении тысячелетий играла китайская цивилизация в культурах сопредельных стран. Творчески переработав и развив заимствованные элементы, японцам удалось создать свой особый мир художественного восприятия действительности, который до сих пор не перестает удивлять тех, кто к нему прикасается.

Изображения на цветочных картах соответствуют 12-ти месяцам солнечного календаря. Однако следует учитывать большую разницу между лунным и солнечным календарями.

ЯНВАРЬ – СОСНА (МАЦУ ♀)

*Пусть число твоих лет грядущих
Не уступит числу песчинок
На бескрайнем морском берегу.
С журавлем в долголетье сравнишься,
Что до тысячи лет живёт!*

Неизвестный автор
(Пер. И. Борониной)

Сосна – символ счастливого Нового года. Не случайно первые дни Нового года раньше назывались *мацу-но ути* – «неделя сосны». В эти дни жилище украшали не только сосновыми ветками, но и фигурками журавля. Сосна и журавль в японской культуре являются символами долгой и счастливой жизни, поэтому часто изображаются вместе. В японском языке до сих пор бытует полностью соответствующее названию первой карты выражение *мацу-ни цуру* (букв. «журавль на сосне»), означающее пожелание долголетия. С образами сосны и журавля

связаны многие традиционные приветственные песни на пирах, лирические стихи с пожеланиями долголетия.

На одной из карт изображено солнце, поскольку Новый год в Японии ассоциировался с заимствованным у древних китайцев представлением о приходе нового солнца. 15 января, в дни «малого Нового года», пекли круглые рисовые лепешки *кагами-моти* (букв. «зеркальные лепешки») и возлагали их на алтарь в храме как дар солнцу. Откусывая «кусочек солнца», люди желали друг другу здоровья и долгих лет счастливой жизни.

ФЕВРАЛЬ – СЛИВА (УМЭ)

Февраль – время цветения сливы в Японии, и в эту пору раздаются первые трели соловья. Бесчисленны в японской литературе, особенно в поэтических жанрах *хайку* и *танка*, обращения мастеров слова к этому устойчивому парному образу. Он стал составной частью японской календарной поэзии, изображение соловья на ветке цветущей сливы также было любимой темой художников. Самая дорогая из этих четырёх карт так и называется «Соловей на сливе».

Ожидание соловья – постоянный мотив песен ранней весны в японской лирике. Считалось, что до наступления весны соловей прячется в ущелье, и все с нетерпением ждали, когда он появится на ветвях заснеженной сливы.

*Как только в чарки с налитым вином
Мы пустим плавать сливы лепестки
И выпьют чарки те
Любимые друзья,
Пусть сливы облетят, мне будет всё равно!*
Неизвестный автор
(Пер. А. Глускиной)

С обрядом любования ранней цветущей сливой в начале весны связана церемония *камбай* (букв. «слива, [цветущая] в холода»), которая своими истоками уходит в культурные традиции, заимствованные из Китая. Оттуда же пришёл в Японию обычай в период цветения сливы устраивать поэтические турниры. Поскольку слива зацветает раньше других деревьев, она издавна служит олицетворением радостного пробуждения природы, вечно обновляющейся жизни, символизирует силу и благородство, является пожеланием благополучия, счастья и долголетия.

В старину во время любования цветущей сливой был обычай пить вино с её лепестками (аналогичная осенняя обрядность связана с хризантемой).

МАРТ – САКУРА (САКУРА)

*Коль отцвели цветы душистой сливы,
Где соловей порхает меж ветвей,
о, значит,
Время подоспело,
Когда цвести должны вишнёвые цветы!*
Неизвестный автор
(Пер. А. Глускиной)

Март – время цветения сакуры, занавес подчеркивает пышность пиршества во время церемонии любования цветами сакуры – *ханами*. Многочисленные исследователи японской культуры неоднократно отмечали, что для японца слово *хана* означает не просто «цветок», а именно «сакура».

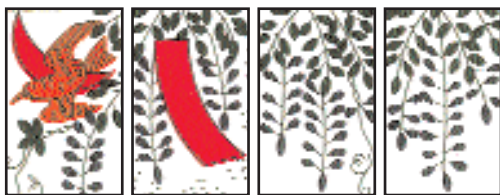
Праздник цветущей сакуры является одним из древнейших. Сакура принимает сезонную эстафету от благоухающей сливы. Эта очерёдность закреплена в поэтической традиции:

В лунном календаре, использовавшемся в Японии в древности, за третьим месяцем было закреплено название *сакура-дзуки*, то есть «месяц сакура». Считается, что сакура олицетворяет красоту и безупречность благодаря исключительной кратковременности своего цветения – оно длится всего несколько дней, а иногда лишь несколько часов. В народной традиции это обстоятельство связывается с уходящей любовью, быстротечностью молодости, что созвучно распространённым в Японии буддийским представлениям о мимолётности жизни.

Любование цветущей вишней в Мукодзима.

АПРЕЛЬ – ГЛИЦИНИЯ (ФУДЗИ ■)

До самого лета
Цветами украшены пышными
Плети глициний.
Одна лишь у них опора –
Ветви могучие сосен.

Мурасаки Сикибу
(Пер. Т. Соколовой-Делюсиной)

В апреле распускаются цветы глицинии и начинается куковать кукушка. Парный образ кукушки и глицинии как символ начала лета присутствует уже в самой ранней японской поэтической антологии VIII в. «Манъёсю»: Ведь даже от легчайших взмахов крыльев Кукушки, распевающей средь лета, Цветы осыпались – Как видно, час расцвета уже прошёл для вас, Цветы лиловых *фудзи!*

Отомо Якамоти
(Пер. А. Глускиной)

Цветы глициний не остались незамеченными в знаменитой «Повести о Гэндзи» Мурасаки Сикибу. 33-я глава у него так и называется – Фудзиураба («Листья глициний»):

«...Весенние цветы прекрасны, спору нет. Кто не восхищается, глядя, как раскрываются один за другим, поражая разнообразием оттенков? Но, непостоянные, они покидают нас, опадая. Когда же мы печалимся, о них сожалея, вдруг зацветает глициния и цветёт «до самого лета».

(Пер. Т. Соколовой-Делюсиной)

Ветви глицинии обычно обвивают растущие рядом деревья - чаще всего, в японской поэтической традиции, сосны. До сих пор широко бытует устойчивое выражение «Если сосна высокая, то и глициния длинна». То есть, если пользоваться чьей-либо поддержкой и опираться на близких, то можно достичь успеха.

МАЙ – ИРИС (АЯМЭ 菖蒲 или СЁ:БУ ■■)

Грущу о былом –
В обрамленьи ирисов алых
Журчащий ручей.

Такахама Кёси
(Пер. А. Долина)

Цветущие ирисы близ Токио.

Май считается порой влаголюбивых ирисов – белых, сиреневых, фиолетовых. С давних пор ирисы были не только одним из самых любимых и почитаемых в Японии цветов, но также служили напоминанием о празднике мальчиков – *танго-но сэкку* (букв. «Праздник первого дня лошади»), который ещё назывался *сё:бу-но сэкку* («Праздник ирисов») и проводился 5-го числа 5-го месяца. По традиции в этот день готовилась ритуальная еда: рисовые колбки, завернутые в листья ириса или бамбука. Чтобы отогнать несчастья, листья ириса, форма которых напоминает самурайский меч, часто раскладывали на крышах домов, под карнизами, у входа в дом. В XVII в. появился обычай готовить ванну с добавлением листьев ириса, а также пить в качестве средства от простуды особое *саке* с измельчённым ирисом.

В настоящее время ирис остаётся одним из самых любимых в Японии летних цветов. Япония по праву считается патриархом разведения ирисов в мире: за пять веков здесь выведено свыше тысячи сортов. В наиболее известных садах и парках страны до сих пор продолжают устраивать праздники ирисов – *аямэ мацури*.

ИЮНЬ – ПИОН (БОТАН 牡丹)

*Распускается он,
Будто радугу извергая, -
Бутоны пиона...*

Бусон
(Пер. А. Долина)

В июне над пионами порхают бабочки, отсюда и мотив рисунка на карте. С другой стороны, в эмоциональном восприятии японцами образа пиона причудливо переплелись синтоистские верования и буддийские традиции. Согласно древним народным представлениям, бабочки, кружащие над цветами, так же как и другие летающие насекомые, даже птицы, – это духи давно умерших людей. Что касается буддийских воззрений, то быстро опадающие лепестки цветов, в особенности пиона, символизируют короткую жизнь и мгновенную смерть. Это излюбленный мотив многих стихотворных произведений буддийского толка.

Традиция любования цветами пиона, которая берёт начало в Китае (там пион был не только символом любви и эротике, но и широко употреблялся в медицине как обезболивающее средство), прочно укоренилась в Японии, что нашло воплощение в разнообразных словесных клише и образных выражениях. Так, изящество красавицы сравнивается с великолепием пионов и стройностью лилии: *татэба сякюяку, сугарэба ботан, аруку сугата ва юри-но хана*, что в буквальном переводе означает «Встанет – пион белый, сядет – пион розовый, стан – словно цветок лилии».

Цветение пионов.

ИЮЛЬ – ЛЕСПЕДЕЦА (ХАГИ 萩)

*Кусты осеннего хаги
Росинки белые
До сих пор в цвету, отчего же
Сверкают, словно яшма,
Плачет олень?*

Оонакатами-но Ёсинобу Якамоти
(Пер. Т. Соколовой-Делюсиной)

Согласно лунному календарю, с наступлением 1-го месяца осени цветёт леспедеца. В эту пору по горам и лесам некогда бродили дикие кабаны – отсюда и сюжет рисунка на карте.

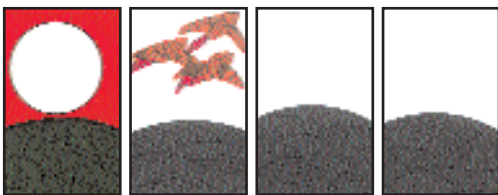
Леспедеца – одна из так называемых «семи осенних трав» (есть ещё «семь весенних трав»). Было принято собирать в определённые сроки эти семь видов растений и варить похлёбку, обеспечивающую здоровье и благополучие. В антологии «Манъёсю» сохранились упоминания об этих растениях:

Когда по пальцам ты захочешь сосчитать
Цветы, расцветшие в желтеющих полях
Осеннею порой, Ты среди них найдёшь
Семь зеленеющих осенних трав!

(Пер. А. Глускиной)

Примечательно, что сам иероглиф *хаги* (леспедеца) образован из двух смысловых компонентов, что буквально означает «осенняя трава».

В старинной японской поэзии существует применительно к *хаги* ещё образ оленя, поскольку издавна существовало поверье, что олень и *хаги* являются супругами.

АВГУСТ – МИСКАНТ (СУСУКИ すすき)

*Нет, не стану сажать
мискант у себя подле дома –
ведь осенней порой
вид поникших долу колосьев
бередит печальные думы...*

Тайра-но Садафун
(Пер. А. Долина)

Середина восьмого месяца по лунному календарю, а именно 15-й день (или *дзюгоя* – 15-я ночь) издавна считались в Японии особым временем любования луной, поскольку она в это время года бывает необыкновенно яркой, и полнолуние особенно красиво. С незапамятных времён обряд *цукими* – «любование луной» был одним из главных событий осеннего сезона, когда люди устраивали празднества при лунном свете и благодарили богов за хороший урожай. Церемония *цукими* отражается на картах, соответствующих августу-мисканту.

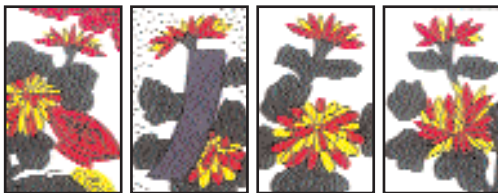
По древним поверьям, луна приносила людям счастье и достаток, символизировала единение всей семьи. Для ночи полнолуния в Японии издавна готовили церемониальную еду – *цукими-удон*, *цукими-соба* – специальные виды лапши, символизирующие долгую и счастливую жизнь. Но больше всего почитались рисовые лепешки *цукими-данго* с приправой из разных осенних растений. В ночь полнолуния обязательным атрибутом праздника возле столика, куда должен был упасть свет полной луны, устанавливали вазу с пучками степного мисканта *сусуки*,

на подносах раскладывали лепёшки, а также сезонные фрукты и овощи.

Видимо, в связи с этим обычаем в Японии возникла ироничная поговорка *хана ёри данго* (букв. «рисовые колобки лучше цветов»). В фигуральном смысле речь идёт о том, что реальное дело представляет собой гораздо большую ценность, чем умозрительные и непонятные занятия изящными искусствами.

Календарный обряд *цукими* в настоящее время практически ушёл из повседневной жизни, хотя до конца XIX в. во время праздника любования луной, как и в древности, сочиняли и декламировали стихи, музицировали, исполняли национальные танцы, пили церемониальное вино, веселились. Несмотря на очень поэтический в культуре Востока образ полной луны, в Японии за ней закрепилось в то же время шутовское название – *бо:дзу*, то есть «монах», «бритоголовый».

Так или иначе, мискант в народных представлениях ассоциировался с осенней печалью, увяданием природы и тревожными предчувствиями.

СЕНТЯБРЬ – ХРИЗАНТЕМА (КИКУ ■)

*Пусть осенней порой
позже всех им дано распусться,
хризантемам в саду, -
но никто из цветов не смеет
с ними спорить благоуханьем!..*

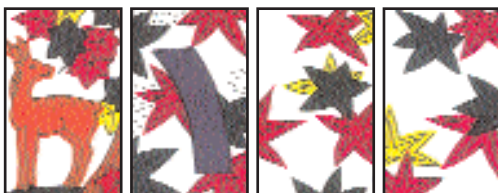
Кагава Кагэки
(Пер. А. Долина)

Осень всегда была богата праздниками, связанными с культом природы. Праздник хризантемы приходился по традиции, пришедшей из Китая, на 9-й день 9-го месяца (в Китае он носил название «двойной девятки»). В этот день полагалось подниматься на возвышенность, пить рисовое вино с лепестками хризантем и вино, настоящее на кизиле.

Японцы, как и древние китайцы, верили, что хризантема обладает магической возможностью продлевать человеку жизнь и обеспечивать ему долголетие. В Японии существовал ритуал преподнесения в этот день друг другу чашечек *сакэ* с лепестками хризантем. Этот напиток назывался *кикумисакэ* – «сакэ для любования хризантемой». На самой дорогой карте, соответствующей сентябрю, изображена такая чашечка рядом с хризантемой.

Издавна был распространён также обычай делать настой из цветов, стеблей и листьев хризантемы и добавлять в него рис. Его хранили целый год и пили на следующий год в 9-й день 9-го месяца. Примечательно, что на чашечках для *сакэ* часто изображаются все цветы и деревья, включённые в карты *ханафуда*.

О преемственности литературных и религиозно-культурных традиций можно говорить и при рассмотрении *о-микудзи*, которые представляют собой таблички с предсказанием судьбы в синтоистских храмах. Такие предсказания судьбы, оформленные в красочные конвертики с использованием разных цветочных символов, с удовольствием покупают туристы и посетители храмов. Среди цветов, использующихся в качестве благопожеланий наиболее часты сакура, пион, слива и конечно хризантема.

ОКТАБРЬ – КЛЁН (МОМИДЗИ ■■)

*В теснинах гор
Сквозь ворох кленовых листьев
Проходит олень.
Я слышу стонущий голос.
До чего тогда осень грустна!*

Сарумару
(Пер. В. Сановича)

Октябрь – сезон красных кленовых листьев *момидзи*, время поклонения японцев этому символу осени. В старину этот обычай был связан с осенним праздником урожая, со временем он трансформировался в любование клёнами на природе, путешествия на горячие источники и в знаменитые парки.

В японской поэтической традиции десятый месяц по лунному календарю обычно связывался не только с клёнами, но и с оленями (словом *момидзи* также обозначают мясо оленей). Клён и олень являются устойчивым парным сезонным образом. Кленовые листья считались изысканным украшением интерьера дома, их часто преподносят в качестве подарка.

Любопытные наблюдения сделал немецкий этнограф Карл Гагеман на представлении японской танцевальной пантомимы:

«Сцена изображает императорский дворцовый парк, украшенный осенними клёнами. Появляются садовник и садовница... Они тотчас же принимаются за работу: поливают цветы, собирают сухие листья, метут мосты, лест-

ницы, дорожки... Появляется третий садовник с бутылкой *сакэ*, все вместе хотят распить её. Быстро собирают кленовые листья и разводят огонь, чтобы согреть рисовое вино. Прежде за сжигание красивых кроваво-красных кленовых листьев и ветвей клёна для всякого рода низких целей полагалась смертная казнь. Когда садовники были уличены в том, что они согревали своё *сакэ* на огне кленовых ветвей, император пожелал узнать, прежде чем казнить их, почему они нарушили запрет. Потому, что иначе не смогли бы подогреть *сакэ*, ответили обвиняемые. Ибо в той части императорских садов, которую им отвели для обработки, росли только клёны. А так хотелось распить *сакэ*. Ведь это единственная радость, без *сакэ* жизнь не имеет для них никакой цены. Это должен был понять и император. И он понял это, и снял свой запрет. Отныне было разрешено согревать на листе клёна рисовое вино. Употребление красивых красных ветвей для всяких других целей оставалось по-прежнему запрещённым».

(Пер. С. Мокульского)

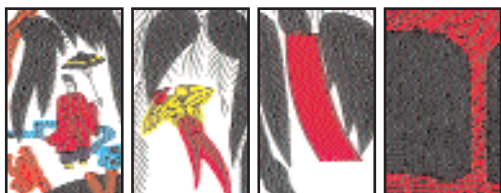

Осенние клёны.

Любование хризантемами.

НОЯБРЬ – ИВА (ЯНАГИ 柳) (ДОЖДЬ 雨)

*Пролетают года.
Люди старятся и умирают -
но весенней порой,
как всегда, на привычном месте
ждёт меня зелёная ива...*

Кагава Кагэки
(Пер. А. Долина)

Карты, соответствующие ноябрю, часто называют не только «ива», но и «дождь».

Трудно дать однозначное объяснение, почему ива, в поэтической традиции чаще всего ассоциирующаяся с весной, с маем, оказалась в картах ханафуда в таком дождливом и холодном месяце, как ноябрь. Но, вероятно, ирис с большим правом претендует на месяц май, поэтому ива оказалась просто передвинутой на другую позицию. Загадочным представляется использование образа ласточки в ивах. Возможно, парный образ ивы и майской ласточки оказался просто механически заимствован из весеннего сезона.

Образ ивы в народных представлениях символизировал собой и свободную любовь. Не случайно в языке остались понятия *рю:хаку* (букв. «ивовая тропинка»), *рю:ко*: (букв. «ивовая улица») и *карю:гай* (букв. «улица цветов ивы»), что означает «публичный дом», «кварталы притонов любви». Дело в том, что в старину среди ивовых зарослей по берегам рек, часто у мостов, по которым передвигались отряды самураев, усталых путников поджидали уютные

чайные домики, где можно было развлечься и отдохнуть от забот. «Миром цветов и ив» называют свою профессию изысканные гейши.

С появлением сюжета, отражённого на самой дорогой карте ноября, связана легенда об Оно-но Митикадзэ (или Оно-но Тофу) – знаменитом поэте и каллиграфе X в., который, наряду с Фудзивара-но Юкинари и Фудзивара Сукэмаса, считается одним из великих мастеров каллиграфии эпохи Хэйан. Как-то раз Оно-но Тофу наблюдал, как лягушка пытается допрыгнуть до ветки ивы, свисающей над землей. Упорство лягушки произвело на него большое впечатление, и он подумал: если уж маленькая лягушка показывает чудеса упорства и настойчивости, то человеку тем более следует всегда неуклонно добиваться своей цели. На карте изображён этот сюжет.

Одна из карт с изображением ивы называется «чёрт под дождём». По народным поверьям, в дождливые тёмные ночи следует остерегаться бродить около ивняков, поскольку в длинных ветках ивы может притаиться привидение или оборотень.

ДЕКАБРЬ – ПАВЛОНИЯ (КИРИ ■)

*Оторвался от ветки
павлонии высохший лист -
одинок и печален,
робкий шепот его донёсся
из пространства беззвёздной ночи...*

Кагава Кагэки
(Пер. А. Долина)

Желтеющие листья павлонии (тунгового дерева) в традиционных представлениях японцев связывались с наступлением глубокой осени. Это растение считалось само по себе очень ценным, и то, что редкая птица *хоо* (феникс) изображена рядом с ним, увеличивает его и без того значительную ценность. По старинным поверьям считалось, что мифологический феникс поздней осенью любил лакомиться семенами павлонии – как раз этот сюжет отражён на одной из карт.

По представлениям, пришедшим из Китая, феникс напоминал спереди единорога, сзади оленя, шея как у змеи, хвост как у рыбы, спина черепашья, а клюв куриный. Существовало поверье, что эта птица появляется один раз в тысячелетие, предвещая начало благоприятного правления или рождение мудрого учёного.

Эти же символические образы сохранились и в японском языке. К примеру, словом *хо:рэн* называют колесницу святого или императорский экипаж с золотой птицей *хо* на крыше в качестве украшения. Образное выражение *хо:су* («птенец феникса») до сих пор употребляется, когда говорят о талантливом, многообещающем юноше.

Японские поэты традиционно обращались к образу павлонии, связывая представление об осенних холодах с приближающимся уходом в мир иной: даже без ветра широкие листья павлонии один за другим сами никнут к земле.

В синтоистской обрядности, посвящённой началу нового года, японцы использовали для отпугивания злых духов посох *цзэ*, который делали из древесины павлонии. Вероятно, и этот обычай имеет китайские корни: в старину китайцы широко исполь-

зовали павлонию в погребальных обрядах для изготовления ритуальных статуэток, траурных посохов и саркофагов.

Образ павлонии встречается в императорском гербе *кири-но мон*, впоследствии широко применявшемся в самурайской символике. Что касается птицы *хоо*, то парные изображения фениксов, обращённых друг к другу, можно увидеть на различных клинках и мечах *ката-на*, а также на знаменитых бронзовых зеркалах китайского происхождения, относящихся к VI–VIII вв. н.э. Такие зеркала называются *со:хо:кё:* (букв. «зеркало с парой фениксов»).

Круг образов, который в восприятии японцев вызывается цветами павлонии, будет неполон, если снова не упомянуть шедевр японской классики «Повесть о Гэндзи». Образ несчастной матери принца Гэндзи связан с местом, где она проживала, а именно с Павильоном Павлоний. Первая глава романа, повествующая о рождении главного героя, так и называется – *Кирицубо* – «Павильон Павлоний». Павильон Павлоний, где обитали менее влиятельные наложницы, находился в отдалённой северо-восточной части дворцового комплекса, а свое название получил оттого, что перед его входом росли павлонии. Проводя аналогии с парным образом феникса, можно предположить, что создательница бессмертного образа принца Гэндзи писательница Мурасаки Сикибу намеренно связала его появление на свет с павлониями: при такой трактовке образ матери будущего блистательного принца можно воспринимать как птицу *хоо*, слетевшую на ветку павлонии возвестить миру о рождении нового героя.

В Японии насчитывается более 30 видов игры в цветочные карты. Сложилась достаточно сложная и разветвлённая система правил, требующая от игроков определённых исторических знаний, максимального внимания и сосредоточенности. В самом деле, сам факт наличия многочисленных дополнительных комбинаций, бонусов и прикупов, свойственных также и системам, принятым в азартных европейских картах, довольно сильно сближает этот вид карт с «западными».

Тем не менее, при более глубоком и тщательном изучении особенностей японских цветочных карт можно прийти к выводу, что содержательная и познавательная сторона японского варианта карт по-своему уникальна. Несмотря на определённую азартность, игра в *хана-карута* подразумевает владение культурно-историческим контекстом и знание большого количества обычаев, касающихся материальной и духовной жизни японского народа и складывавшихся на протяжении нескольких столетий.

После себя
что я оставлю на свете?
Вишни - весне,
лету - голос кукушки,
осени - алые клёны...

Рёкан
(Пер. А. Долина)

Автор благодарит М. Игнатова за сканирование карт ханафуда.
В оформлении статьи использованы иллюстрации из книги: *Floral Art of Japan. Tokio. 1899.*

Войтишек Е.Э. Карты «ироха». Старинная интеллектуальная японская игра. – Новосибирск, 1999. РГБ: 1 01-4/380; 381

Гагеман Карл. Игры народов. Япония / Пер. с нем. С.С. Мокульского. – Л., 1925. РГБ: W 388/323; W 338/205

Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии: Годовой цикл. – М., 1989. РГБ: 1 89-3/114;115

Маркарьян С.Б., Молодякова Э.В. Праздники в Японии. – М., 1990. РГБ: 1 90-15/25;26

Мещеряков А.Н. Древняя Япония. Буддизм и синтоизм: Пробл. Синкретизма / АН СССР, Ин-т востоковедения – М., 1987.

Ватанабэ Кацудзиро. Ками-но хакубуцуси. Асоби то сэйкацу бунка (История сведений о бумаге. Игра и бытовая культура). – Токио, 1992 (на яп. яз.).

Ватанабэ Хироси. Торампу. Ханафуда. Хякунин иссю (Европейские карты. Цветочные карты: Антология «Сто стихотворений ста поэтов»). – Токио, 1969. (на яп. яз.).

Hanafuda. The flower card game. Tokyo, 1999 (на англ. яз.).